

И помыслить будет трудно

«Антиэкстремизм»: отменить, нельзя оставить. Ответ
Александру Верховскому

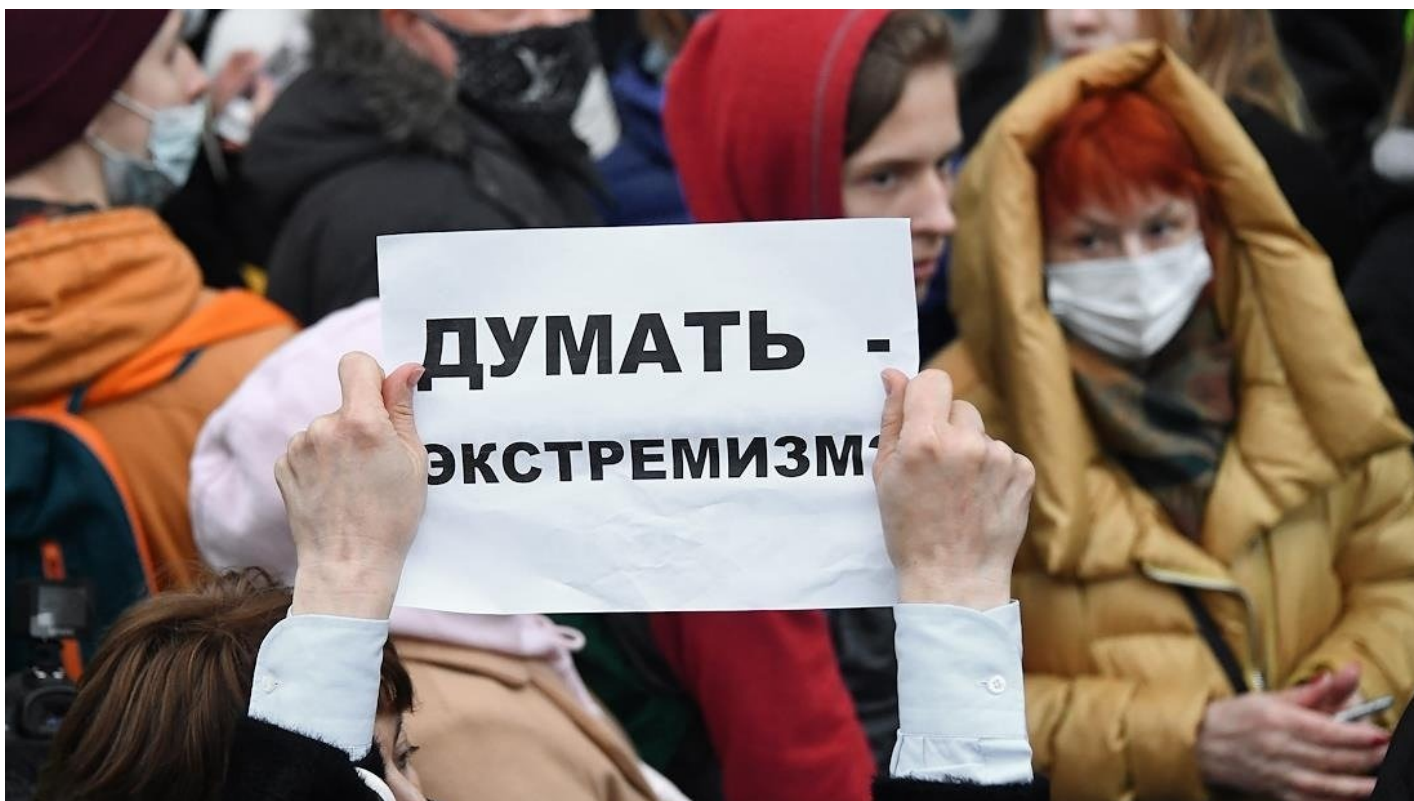

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

17:24, 7 августа 2025,

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БОБРИНСКИМ НИКОЛАЕМ
АЛЕКСЕЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БОБРИНСКОГО НИКОЛАЯ
АЛЕКСЕЕВИЧА.

Из откликов на юридический проект «100 дней после Путина» [комментарий](#) Александра Верховского, пожалуй, самый подробный и детальный. Это само по себе вызывает чувство признательности. Отрадно, что даже в нынешнее безвременье находятся силы обсуждать будущее нашей страны на языке права.

Александр Верховский излагает свое видение «идеальной схемы» реформы антитеррористического и антиэкстремистского законодательства. Из такой постановки вопроса следует, что регулирование в этих областях предлагается улучшить, не отменяя его полностью. «100 дней» тоже представляют собой «идеальную схему», но с другой задачей: подготовить набор первоочередных юридических мер на случай прекращения полномочий президента РФ.

Цель наших предложений (одна среди прочих) — в кратчайшие сроки освободить российских граждан от пут запретов и ограничений и таким образом создать условия для реанимации общественной дискуссии и политической конкуренции. Предположение, что такие идеи могут понадобиться (...), подкрепляется у нас готовыми законопроектами. Два из них посвящены упразднению законодательной основы государственного террора и цензуры, в том числе и в области

антиэкстремизма.

В свете этой цели невозможно не согласиться с теми предложениями Александра Верховского, которые дают бóльшую меру свободы слова и сокращают запреты и санкции решительнее, чем в наших законопроектах.

Это, во-первых, ограничение понятия «террористическая деятельность» в законе «О противодействии терроризму». Из него, как справедливо указывает Верховский, нужно в том числе исключить рекурсии, из-за которых выходит, например, что терроризмом признается оправдание терроризма. Во-вторых, удаление из 282-й статьи Уголовного кодекса состава преступления «унижение человеческого достоинства» по групповым признакам. Изначально преступление «возбуждение ненависти и вражды» появилось в Уголовном кодексе в развитие конституционной нормы (часть 2 статьи 29). Ответственность за «унижение человеческого достоинства» была добавлена позже. Если мы будем дорабатывать «100 дней», включим эти пункты в новые версии законопроектов.

В нескольких других вопросах наше видение совпадает: например, как замечает Верховский, запрет демонстрации нацистской символики нужно ограничить, оставив в нем только демонстрацию в пропагандистских целях. Вопреки его утверждению, мы придерживаемся той же точки зрения.

То же касается и уголовной ответственности за «исторический ревизионизм» (статья 354.1 Уголовного кодекса «Реабилитация нацизма»), от которой Верховский готов отказаться (хотя и с

оговорками).

Часть тем, о которых он говорит, осталась вне поля нашего зрения, поскольку мы не причислили их к первоочередным задачам «расчистки» законодательных «завалов». Это относится к реформе антитеррористических норм Уголовного кодекса (с одним важным исключением, о котором ниже). Возможно, тут с нашей стороны есть упущение — ведь действительно, в списке политзаключенных «Мемориала»* несколько сот осужденных за участие в террористических организациях. Впрочем, все эти приговоры мы предлагаем отменить, а осужденных полностью реабилитировать в соответствии с другим нашим законопроектом — «О восстановлении прав жертв государственного террора».

Однако по трем важным темам между Александром Верховским и «100 днями» есть коренное различие. Речь идет о судьбе антиэкстремистского законодательства и уголовных санкций за одобрение и пропаганду терроризма. Верховский выступает за их сохранение (пусть и в ограниченном виде), потому что считает желательной «специальную, или дополнительную, криминализацию организованной преступной деятельности именно идейно-политического толка». Этот тезис звучит несколько провокационно: всё же в Конституции еще сохраняется запрет на государственную идеологию. Сейчас под него многие подкапываются, что для настоящего момента едва ли удивительно. Но неужели и в «идеальную схему» Верховского идеологическое многообразие не вписывается?

Насколько можно понять, обновленный «экстремизм» он предлагает описать в тех же выражениях, которыми сейчас изложеноотягчающее обстоятельство в виде совершения преступления по мотивам ненависти (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК — политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда). Сама по себе идея отождествить мотив с преступным деянием вызывает

ассоциации с пресловутым мыслепреступлением. Но, по всей видимости, тут имеется в виду все же не только чувство ненависти, а его выражение вовне.

С этим подходом едва ли можно согласиться. Даже «отшлифованное» антиэкстремистское законодательство (а в нем, по версии Верховского, должны остаться уголовные санкции и за призывы к экстремизму, и за участие в экстремистских группах) сохранит в запретной зоне очень многие критические высказывания и организованный политический протест. Полагаться на сдержанность правоприменителя в этом вопросе не стоит: даже если эти нормы не будут использоваться, их наличие в законе само по себе будет охлаждать дискуссию на острые темы.

Общество, наученное горьким опытом злоупотреблений последних полутора десятилетий, не сможет сразу изжить привычку к страху перед наказанием за любое политически окрашенное эмоциональное слово и уж тем более за любое сколько-нибудь радикальное политическое действие. Законсервировать антиэкстремизм — значит оставить висящим на стене заряженное ружье, нацеленное в свободу слова. По этой причине

в «100 днях» мы предлагаем полностью отказаться от понятия «экстремизма» и исключить из Уголовного кодекса все санкции за него.

Нам ставят в упрек: какие нормы тогда будут покрывать публичные призывы к дискриминации, попытки сорвать голосование на выборах или заблокировать работу государственных органов? «Мы же не считаем, что пропаганда

сепаратистского мятежа, налетов на избирательные участки или насилия против активистов определенного толка должна быть ненаказуема», — говорит Верховский.

Короткий ответ: как правило, достаточно ответственности за приготовление к совершению тяжких и особо тяжких преступлений — например, к вооруженному мятежу или массовым беспорядкам. Без перехода от слов к делу применение уголовных санкций, на наш взгляд, избыточно. Кроме того, криминализованные в настоящее время призывы к насилию — террористической деятельности, агрессивной войне, насильственному изменению основ конституционного строя — мы предлагаем сохранить.

Опасения Александра Верховского можно было бы объяснить историческими ассоциациями. Если представлять момент открытия «окна возможностей» в России в духе нового 1917 года, наказание за «преступное возбуждение масс» можно счесть вполне уместным. Можно вспомнить в этой связи, что тогда Временное правительство в ответ на июльский вооруженный мятеж большевиков ввело санкции за «публичные призывы к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения» и за «публичные призывы к неисполнению законных распоряжений власти».

На мой взгляд, сейчас эти опасения беспочвенны: в отличие от Российской империи, где существовала обширная традиция политического радикализма и революционного террора, оппозиционное движение в путинской России, за ничтожным исключением, всегда было подчеркнуто мирным. А вот угроза возобновления «антиэкстремистского» произвола со стороны носителей власти представляется куда более реальной.

Я и мои соавторы рады состоявшемуся обмену мнениями и приглашаем всех желающих присоединяться к нему.

Николай Бобринский, юрист*

* Внесены властями в реестр «иноагентов»